



АНОНИМЩИКИ...

Чем только не развлекаются освободившиеся от цензуры нынешние журналисты!

Такое ощущение, что вся так называемая демократическая революция свелась именно к журналистской свободе. Остальное не так уж и важно...

Оставим пока в стороне забавы олигархических телевизионщиков, поговорим о рядовых газетчиках.

«Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил, черные дни миновали, час искупленья пробил», — эти слова должны бы хором петь все редакторы, в том числе и вологодские.

Не поют почему-то... Зато, когда дорвались до свободы слова, какая существует сейчас, такого перцу задали всем! (Отношу к газетчикам и себя, поскольку тоже в них, в газетах, печатаюсь.) В своей литературной деятельности и я, грешный человек, тоже люблю пофорсить, пользуясь общецензурной погодой...

Где логика? — взывает иной демократ. — Белов пользуется завоеванной с таким трудом свободой слова, а сам опять призывает к цензуре.

Логика, на первый взгляд, и правда нет. Но только на первый. Все дело в том, как пользоваться этими бесцензурными условиями. Грань между полной свободой слова и внутренней (то есть нравственной) цензурой очень тонка, незаметна.

Не имеющий нравственной опоры или чувства стыда журналист не замечает, как в горячке преступает эту грань и становится циником. Прессу такую во всем мире называют «желтой». Не зря законодатели заговорили наконец о нравственной цензуре.

Что значит нравственность и что значит безнравственность в средствах массовой информации? Я думаю, все нормальные люди понимают разницу нравственности и безнравственности. Не будем говорить об этой разнице сию минуту...

Но вот в погоне за тиражами, в условиях безденежья, при дороговизне бумаги и типографских услуг редакторы и журналисты обоюдо попустились во все тяжкие... Они публикуют, что подвернется под руку, лишь бы увеличить тираж (кормежка), лишь бы потрафить банкиру (кормежка), лишь бы угодить начальству (дотации печатному органу), лишь бы протолкнуть кандидата в депутаты во власть, чтобы кандидат потом отблагодарил журналиста (тоже кормежка). Поистине бульварные девки ничем от журналистов не отличаются! О двух этих древнейших профессиях говаривал я еще сорок лет назад...

Пустили теперь газетчики в ход буквально все, даже подслушивание и скрытую съемку, даже нескромные «жареные» факты и фактики, бесстыжие и развратные фотографии, оскорбительные карикатуры, похабные, нескромные рассуждения и циничные анекдоты, пошлые, бездарно придуманные частушки и даже мат.

(Вспомним панцыревскую рубрику «Берегите природу — мать вашу...».) Бесстыжие журналисты сами, вроде бы, испугались такой свободы слова, и сами такой свободе как-то не очень рады, да остановиться уже не в силах и впадают в еще больший азарт. Даже кровь людскую беду и самоубийства используют в своих целях... Рвут и мечут.

А уж если кто из начальства проштрафился, тут редактору просто лафа! Не знаю, проштрафился ли нынешний губернатор вместе с законодателями, проголосовавшими за прибавку к моей «стипензии», как я в шутку называю нынешние пенсии. Не мне судить. Может, и проштрафился.

Но трусливые анонимщики, которые тайно ночью пишут на стенках слова, оскорбляющие уже всех воложан-писателей, это что, тоже свобода слова? Ведь могли же бы они в какой-либо газете выступить открыто и сказать, чем они недовольны? Обличили бы на досуге и Хрипеля, и меня от имени голодных и полуголодных.

Нет, такие настенные «журналисты» слишком трусливы, чтобы выступать открыто, и подписывать свои выступления они не любят. Тайные настенные их выступления чем отличаются от неподписанных? «Зеркало» под ехидной рубрикой «Не привычное дело» крупными красными буквами поделилось с воложанами сенсацией. Сообщение о «личностно-государственном, а возможно, государственно-личностном» постановлении опубликовано тоже ведь без подписи... С дошностью, достойной классического

анонима, автор перечислил все мои ордена, звания и медали... Тщательно переписал пустопорожние (как у Подгорнова) звания академика Белова. Дескать, мало было дано, так ему еще и добавку к пенсии. «Зеркало» как бы намекает, что если Белов такой справедливый «академик», то взял бы и отказался от добавки. (Так сытые детки отказываются от добавки в садиковской столовой.)

«Зеркало» не забыло упомянуть, что «добавка» сделана по инициативе губернатора и за счет бюджета. (Впрочем, губернатор сам виноват, что наплодил таких газетчиков.) Начало этой анонимной статьи заверстано на 13 стр., а конец надо искать на первой.

Увы, оба «Севера», якобы конкурирующие, — почти одинаковой окраски, и какого они цвета, не поймешь... Если «красное», т.е. дотируемое бюджетом, «Зеркало» ехидничает насчет «не привычного дела», то как должен бы обрадоваться губернаторской теме «Север» панцыревский! Однако же панцыревская братва насчет добавки-поддачки полный молчок! Ни гу-гу!

Сижу и гадаю, что бы сие значило? Ведь Панцырев едва ли не в каж-

дом номере по три раза хвалит неизменно веселого своего тезку Лопатина. Позгалева же клеймит. И тоже по три-четыре раза.

Разумеется, после этой статьи я буду записан Панцыревым в число ярых «позгалецев». Разборчивым читателям обоих «Северов» скажу, что я действительно поддерживаю пока законного губернатора. Не Лопатина же мне поддерживать? И неужто по этой причине любители настенной живописи назвали меня иудой и гадом? Да, вскормленного Панцыревым депутата-популиста Лопатина я не поддерживаю... А за кого буду голосовать на выборах, скажу после выборов, поскольку выборы есть выборы. На то они и выборы. Как говорится, вольному воля. Они, выборы-то, должны быть действительно тайными и по возможности не трусливыми. Никому от них нельзя увиливать. Даже с помощью настенной «живописи».

Василий БЕЛОВ.

На снимке: Василий БЕЛОВ (справа) со своими друзьями — писателями Владимиром КРУПИНЫМ и Валентином РАСПУТИНЫМ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Своей публикацией («Зеркало» № 179) мы никоим образом не намеревались обидеть Василия Ивановича. Предполагалось, что рубрика «Не привычное дело» подчеркнет тот факт, что естественная во все времена забота об уважаемых людях теперь, к сожалению, стала делом НЕПРИВЫЧНЫМ. Если же эта наша мысль прозвучала невнятно и ненароком обидела писателя, мы приносим ему свои искренние извинения.